ВЪ ПАМЯТЬ СЛАВНОМУ МУЖУ

НИЖЕГОРОДСКОМУ КУПЦУ

КОЗЬМѢ МИНИНУ.

На мѣстѣ томъ стоя, гдѣ Мининъ погребенъ,
Казалось будто я въ тѣ вѣки пренесенъ,
Въ которые сей мужъ усердьемъ воскрыленный,
Увидя пламенникъ, врагами воспаленный;
Сыновъ Отечества, внимая скорбный стонъ,
Попранну вѣру зря, и Божескій законъ,
И самую Москву носящу тяжки узы,
Разрушенну любовь, прерванныя союзы;
Воззря на тьмы враговъ, лiющихъ Росску кровь,
Слезами грудь кропя, возчувствовалъ любовь;
И пламень искренній въ душѣ своей питая,
Изъ челюстей врага Россiю свобождая,
Сокровище свое къ сему онъ посвятилъ,
Безсмертнымъ подвигомъ, всѣхъ спасъ и защитилъ.

Се здѣсь я возопилъ! тотъ прахъ неоцѣненный,
Что былъ толикою любовью оживленный,
Кто спасъ Отечество, Монарховъ Росскихъ Тронъ,
Кто вѣру подкрѣпилъ и Божескій законъ;
Кто Россамъ показалъ къ безсмертiю дорогу,
Любить Отечество, и жертвовать всѣмъ долгу.

Когда я подвигъ сей во мысли представлялъ,
Прославить я его сердечно возжелалъ;
Но сей безсмертный мужъ отечествомъ прославленъ,
И памятникъ ему въ сердцахъ уже поставленъ;
Великихъ Росскихъ дѣлъ пресладостный пѣвецъ,
Неподражаемый соплѣлъ ему вѣнецъ.
Казанску сильну брань, Херасковъ возглашая,
Грядущи времяна Царю изображая,
Видѣньемъ нѣкакимъ въ восторгъ его привелъ,
И въ видѣ таковомъ Россiю Царь узрѣлъ:
„Се Тронъ колеблется хранимый многи вѣки;
„Москву наполнили Поляки, будто рѣки;
„Забвены древнiя природныя Князья;
„Ты стонешъ Iоаннъ! стеню и плачу я!
„И неплеменники Москвою овладѣли. . . .
„При семъ видѣнiи небесны своды рдѣли;
„Опустошенныя являются поля;
„Кровавыя кусты, багровая земля;
„Растерзанны тѣла гробовъ не обрѣтаютъ,
„И птицы хищныя надъ ними вкругъ летаютъ,
„Отерзнула Москва отъ персей томныхъ чадъ.
„Къ Россiйскимъ рашникамъ приходитъ блѣдный гладъ.
„Мечи изъ рукъ падутъ, душевны слабнуть силы;
„Преобращаются вкругъ стѣнъ шатры въ могилы
„И кладъ бы пламенно [illegible] погасилъ:
„Когда бы Мининъ ихъ сердецъ не воскресилъ.
„Сей другъ Отечества на бурю взоръ возводитъ;
„Беретъ сокровища къ Пожарскому приходитъ;
„Богатство тлѣнъ и прахъ, но славно есть оно,
„Коль будетъ общему добру посвящено.
„Познавъ имѣнiя такую Мининъ цѣну;
„Онъ злато изострилъ, дабы попрать измѣну;
[illegible]россiйской храбрости удерживаетъ вѣсъ,
разитъ орла Россiйской Геркулесъ!
„Какъ бурный вихрь Москву Пожарскiй окружаетъ
„Кидаетъ молнiи, Поляковъ поражаетъ;
„Съ другой страны даритъ Отечеству покой,
„Бросая громъ на нихъ Димитрiй Трубецкой.

Се! подвигъ Минина, преславный, несравненный,
Хераскова перомъ, мы зримъ изображенный!
Не слезы я теперь надъ прахомъ симъ лiю,
Но славою плѣнясь, безсмертной, вопiю:
Почiй великiй мужъ! почiй къ тебѣ вѣщаю,
Ты другъ Отечества! сердечно я желаю,
Да память дѣлъ твоихъ дотолѣ не пройдетъ,
Пока земный сей шаръ, разрушася падетъ.

Приближитесь сердца! незнающiя лести;
Почтите Минина неоцѣненный прахъ!
Любя Отечество, снимая долгу, чести,
Онъ сребролюбiя былъ въ свѣтѣ первый врагъ.
Стараясь подражать отличному примѣру,
Любите вы законъ, Отечество и Вѣру;
Да жертвуя сему войдете славы въ храмъ,
Гдѣ мзда нетлѣнная воздается вѣчно вамъ.

А вы что блескамы металловъ здѣсь плѣненны!
Внушите, что пѣвецъ безсмертный возгласилъ;
Онъ честностю души и нрава возхищенны,
Въ поэмѣ Росскихъ дѣлъ слова сiи включилъ:
„Кто въ злато влюбится, тотъ славу позабудетъ,
„И тверже сердцемъ онъ металловъ твердыхъ будетъ.

Въ Нижнемъ-Новѣгородѣ,
1794 года, Iюня 20 числа.

Николай Илинской.